

О классификации преступлений против жизни в российском и англосаксонском праве и употреблении релевантных русскоязычных и англоязычных терминов

Т.О. Ванина*

** Уральский филиал, ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Челябинск, Россия
tatyana_vanina@inbox.ru*

Введение. В статье анализируются критерии, лежащие в основе классификаций преступлений против жизни в уголовных законодательствах России и Великобритании, и исследуется специфика употребления русскоязычных и англоязычных терминов, обозначающих эти преступные деяния, в российском и англосаксонском праве.

Теоретические основы. Методы. Используя метод сопоставительного анализа, автор сравнивает виды преступлений против жизни, за которые предусмотрены наказания в Уголовном кодексе Российской Федерации и в английском законодательстве, и находит возможным, несмотря на наличие множества специфических характеристик, провести параллель между некоторыми из них. Отдельно рассматриваются те виды убийств, которые не упоминаются в Уголовном кодексе Российской Федерации, но выделяются нормативными правовыми актами Великобритании: аборт (*abortion*) и корпоративное убийство (*corporate manslaughter; corporate homicide*). Особое внимание уделяется анализу квалифицирующих и привилегирующих признаков, наличие или отсутствие которых позволяет, согласно уголовному законодательству Российской Федерации, отнести преступление против жизни к разряду простых (*simple murder*), квалифицированных (*qualified murder*) или привилегированных убийств (*privileged murder*), а также анализу обстоятельств (*defences*), смягчающих, согласно нормам англосаксонского права, тяжкое убийство (*murder*) и позволяющих квалифицировать его как простое убийство (*manslaughter*).

Результаты исследования. Автор приходит к выводу, что различие критериев упомянутых классификаций обуславливает, с одной стороны, отнесение одного и того же преступного деяния к различным видам преступлений против жизни в российском и англосаксонском праве, а с другой – объясняет использование различных англоязычных терминов (*simple murder* и *manslaughter*) для перевода понятия *простое убийство* в контексте российской и англосаксонской правовых систем соответственно.

Обсуждение и заключение. Такой перевод представляется вполне логичным и обоснованным в силу того, что в двух разных системах один и тот же термин может иметь различное толкование. Следовательно, и законодательная модель преступного деяния, обозначаемого одним и тем же термином, в различных правовых системах может иметь различные характеристики объективных и субъективных признаков состава преступления.

Ключевые слова: преступление против жизни (*crime against life*), простое убийство (*simple murder, manslaughter*), квалифицированное убийство (*qualified murder*), привилегированное убийство (*privileged murder*), тяжкое убийство (*murder*), детоубийство (*infanticide*), геноцид (*genocide*), корпоративное убийство (*corporate manslaughter*)

Для цитирования: Ванина Т.О. О классификации преступлений против жизни в российском и англосаксонском праве и употреблении релевантных русскоязычных и англоязычных терминов // Правосудие. 2019. Т. 1, № 2. С. 169–187. DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.2.169-187

On Classifying Crimes Against Life in Russian and Anglo-Saxon Law and Using Relevant Russian and English Terms

Tatyana O. Vanina*

** Ural Branch, Russian State University of Justice, Chelyabinsk, Russia*

For correspondence: tatyana_vanina@inbox.ru

Introduction. The article deals with criteria underlying the classification of crimes against life in Russian and Anglo-Saxon law and analyzes some peculiarities of using Russian and English terms defining these crimes in the criminal legislations of both Russia and the UK.

Theoretical Basis. Methods. Comparing the types of crimes against life for which punishments are provided for in both the Criminal Code of the Russian Federation and the English legislation, the author finds it possible, despite a number of specific characteristics, to draw a parallel between some of them. Those types of homicide that are not mentioned in the Criminal Code of the Russian Federation but emphasized by the normative legal acts of Great Britain (*abortion*, and *corporate murder*) are examined separately.

Special attention is paid to the analysis of aggravating and mitigating factors, which make it possible, according to the criminal legislation of the Russian Federation, to divide crimes against life into three categories (*simple murder*, *qualified murder* and *privileged murder*) as well as to that of defences “diminishing” *murder* to *manslaughter* in Anglo-Saxon law.

Results. After undertaking a comparative analysis, the author comes to the conclusion that because of the difference between the criteria underlying the classifications mentioned above similar criminal acts may belong to different types of crimes against life in Russian and Anglo-Saxon law. On the other hand, different English terms (for example, *simple murder* and *manslaughter* for the Russian and Anglo-Saxon legal system, respectively) may be used for translating one and the same Russian term *простое убийство*.

Discussion and Conclusion. Such kind of translation seems to be logical and reasonable, for one and the same term may have different interpretations in two different systems; therefore, the legislative model of the criminal act defined by one and the same term may have different characteristics of objective and subjective elements of the crime in different legal systems.

Keywords: crime against life, simple murder, manslaughter, qualified murder, privileged murder, murder, infanticide, genocide, corporate manslaughter

For citation: Vanina, T.O., 2019. On classifying crimes against life in Russian and Anglo-Saxon law and using relevant Russian and English terms. *Pravosudie* = Justice, 1(2), pp. 169–187. DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.2.169-187

Введение

Право на жизнь – неотъемлемое право каждого человека, охраняемое законом. Преступления против жизни являются самыми тяжкими в уголовном законодательстве практически всех государств и влекут наиболее суровые наказания. В Российской Федерации право на жизнь

закреплено в п. 1 ст. 20 Конституции России¹. В британском конституционном праве не существует единой классификации прав и свобод граждан. Право на жизнь в Великобритании регулируется статутами, судебными прецедентами и правовыми обычаями. Кроме того, как страна – участница Совета Европы Великобритания подписала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод² (4 ноября 1950 г.), следовательно, она обязана гарантировать своим гражданам право на жизнь, закрепленное в ст. 2 Конвенции.

Преступления против жизни, несомненно, относятся к наиболее опасным деяниям. Они включают в себя все виды лишения жизни, в том числе причинение смерти по неосторожности и доведение до самоубийства. Несмотря на усилия, направленные на борьбу с преступлениями против жизни, статистика остается неутешительной.

Так, в январе – декабре 2017 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 9738 убийств и покушений на убийство, причем нераскрытыми остались 783 преступления³.

В период с января по ноябрь 2017 г. в Москве было зарегистрировано 289 убийств и покушений на убийство, а в Санкт-Петербурге – 171 [Сарханянц, К., 2018]. По данным Федеральной службы государственной статистики, на территории России в 2018 г. было совершено 8,6 тыс. убийств и покушений на убийство⁴.

Не лучше обстоят дела и за рубежом. Так, по опубликованным городскими властями Лондона данным, рост убийств в британской столице за 2017 г. составил 27,1 процента⁵. По данным столичной полиции, на территории Лондона за 2016–2017 гг. было совершено 101 убийство, а с начала

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/> (дата обращения: 24.02.2019).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп.) // Официальный сайт информационно-справочной правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540800/> (дата обращения: 24.02.2019).

³ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 года // Ежемесячный сборник Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. Декабрь. URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202017.pdf> (дата обращения: 24.02.2019).

⁴ Правонарушения в январе – декабре 2018 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/ (дата обращения: 15.05.2018).

⁵ В Лондоне отмечается резкий рост убийств, изнасилований, грабежей и краж // Официальный сайт информационного центра AFTERSHOCK. URL: <https://aftershock.news/?q=node/602167&full>

2017 г. по октябрь 2018 г. – 153 убийства. Таким образом, число убийств на 100 тыс. жителей Лондона составляет в среднем 1,2 убийства, а в Москве – примерно 2,5 [Смотряев, М., 2018].

Актуальность статьи обусловлена не только неоспоримой опасностью, которую преступления против жизни представляют для общества, но и процессом всеобщей глобализации как в экономической и культурно-социальной сферах общественной жизни, так и в области права. Для достижения взаимопонимания в рамках правового сотрудничества современным юристам необходимо четкое представление об особенностях правовых систем других государств. Выработка единых теоретических подходов и совместное решение практических задач невозможны без осознания специфики правовых норм различных стран мирового сообщества. Не менее важным, в частности при переводе правовых документов, а также в ходе профессионального общения, является знание лингвистических особенностей юридической устной и письменной речи, а также владение юридической терминологией, употребляемой в области права в странах-партнерах.

Теоретические основы. Методы

Используя метод сопоставительного анализа, мы сравнили виды преступлений против жизни в российском и англосаксонском праве и термины, их определяющие.

В нашей стране ответственность за преступления против жизни регулируется Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ). В УК РФ определены наказания за следующие виды убийства: за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), т. е. за убийство, совершенное при отсутствии как квалифицирующих, так и привилегирующих признаков; за квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ) и за привилегированное убийство (ст. 106, 107 и 108 УК РФ)⁶.

Простое убийство (simple murder) определяется как «умышленное причинение смерти другому человеку» (ч. 1 ст. 105 УК РФ); его главным отличием от *квалифицированного (qualified murder)* или *привилегированного убийства (privileged murder)* является, как указывалось выше, наличие или отсутствие квалифицирующих и привилегирующих признаков.

К квалифицированному убийству, т. е. убийству, совершенному при наличии квалифицирующих признаков (*aggravating factors*), относится убийство двух или более лиц; убийство лица при выполнении им служебной деятельности или общественного долга; убийство лица, находя-

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 января 2019 г.). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

щегося в беспомощном состоянии; убийство беременной женщины или малолетнего лица; убийство, совершенное с особой жестокостью или общеопасным способом; убийство из кровной мести, из хулиганских побуждений, из корыстных побуждений или по найму; с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение; убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; убийство, сопряженное с похищением человека, разбоем, вымогательством или бандитизмом, с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера; убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды; убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего (всего тринадцать пунктов).

К привилегированным убийствам, т. е. к убийствам, совершенным при наличии привилегировающих признаков (*mitigating factors*), относится убийство, совершенное в состоянии аффекта (*murder committed in the heat of passion*), вызванного «насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего» либо «длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи со систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего» (ст. 107 УК РФ), а также убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (*murder committed by exceeding limits of necessary defense*) или «мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» (*measures necessary to arrest a person who committed a crime*) (ст. 108 УК РФ). Сюда же относится убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов (*killing a newborn child by the mother during or immediately after delivery*) «в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства» (ст. 106 УК РФ).

Отдельно согласно ч. 1 ст. 109 УК РФ предусматривается наказание за причинение смерти по неосторожности (*causing death by negligence*); согласно ч. 2 ст. 109 УК РФ – за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» (*by negligence “due to an improper performance of a person’s professional duties”*) и согласно ч. 3 ст. 109 УК РФ – за причинение смерти по неосторожности двум или более лицам (*causing death by negligence to two or more persons*). Однако причинение смерти по неосторожности не квалифицируется как убийство, хотя **объектом преступления**, как и в убийстве, является жизнь человека.

В Великобритании ответственность за преступления против жизни регулируется парламентскими актами (Закон о детоубийстве 1938 г. (*The Infanticide Act 1938*), Закон об убийстве 1957 г. (*The Homicide Act 1957*), Закон о преступлениях против личности 1861 г. (*The Offences against the Person Act 1861*), Закон об убийстве 1965 г. (*The Murder (Abolition of Death Penalty) Act 1965*), Закон об абортах 1967 г. (*The Abor-*

tion Act 1967), Закон о геноциде 1969 г. (*The Genocide Act 1969*), Закон об уголовном правосудии 2003 г. (*The Criminal Justice Act 2003*), Закон о домашнем насилии, преступлениях и жертвах преступлений 2004 г. (*The Domestic Violence, Crime and Victims Act 2004*), Закон о корпоративном простом убийстве и корпоративном человекоубийстве 2007 г. (*The Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007*) и др.) и нормами общего права (*common law*).

В английском уголовном праве выделяются следующие виды преступления против жизни: тяжкое убийство, простое убийство, детоубийство, аборт и геноцид.

Основным признаком тяжкого убийства (*murder*) является наличие заранее обдуманного «злобного предумышления» (*malice aforethought*).

К простым убийствам (*manslaughter*) английский законодатель относит всякое противоправное лишение жизни другого человека (*unlawful killing*), не являющееся тяжким убийством.

Простое убийство (*manslaughter*) в англосаксонской уголовно-правовой доктрине делится на две категории – умышленное (*voluntary manslaughter*) и неумышленное (*involuntary manslaughter*).

Англосаксонское право определяет простое умышленное убийство (*voluntary manslaughter*) как убийство, которое являлось бы тяжким (*murder*) (т. е. совершенное со злобным предумышлением), если бы не определенные обстоятельства, которые смягчают тяжесть совершенного преступления и «понижают» тяжкое убийство до уровня простого (*manslaughter*).

Смягчающими обстоятельствами (*defences*), позволяющими отнести убийство к категории простых (*manslaughter*), до недавнего времени являлись:

- уменьшенная вменяемость (*diminished responsibility*): лица с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (*suffering from abnormality of mind*), не могут быть осуждены за тяжкое убийство;
- провокация (*provocation*), в результате которой обвиняемый теряет контроль над собой (*loses his self-control*): степень провокации определяется присяжными;
- договоренность о совместном совершении самоубийства (*suicide pact*)⁷.

Английские исследователи на протяжении многих лет высказывали мнение о необходимости внести поправки в доктрину о смягчающих обстоятельствах и заменить «провокацию» (*the partial defence of provocation*), например, на «самосохранение» (*the partial defence of self-preservation*), которое может служить частичным смягчающим обстоятельством (*the partial defence*) в тех случаях, когда лицо, совершившее убийство,

⁷ Homicide Act 1957 // The Official Home of UK Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/5-6/11/contents> (дата обращения: 01.03.2019).

неоднократно подвергалось серьезному насилию со стороны жертвы, что могло вызвать у первого сильное эмоциональное расстройство в момент убийства [Elliott, C., 2004].

Однако в результате проведенной реформы частично смягчающим обстоятельством вместо провокации стала считаться потеря самоконтроля (*loss of control*). Это нововведение широко дискутировалось в правоприменительном сообществе, и до сих пор некоторые авторы указывают на сохраняющуюся непоследовательность и путаницу в этой области [Quick, O. and Wells, C., 2012].

Тем не менее согласно разделам 54 и 55 Закона о коронерах и правосудии 2009 г. (*The Coroners and Justice Act 2009*)⁸ лицо, совершившее убийство другого лица в результате потери самоконтроля (*loss of control*), наступившей вследствие опасения применения грубого насилия или провокации, не может быть осуждено за тяжкое убийство (*murder*), так как присяжные должны в данном случае признать потерю самоконтроля частично смягчающим обстоятельством (*partial defence*), и преступное деяние должно квалифицироваться как простое умышленное убийство (*voluntary manslaughter*), если сторона обвинения не докажет обратное «вне всяких разумных сомнений» (*“beyond reasonable doubt”*) [Storey, T., 2013].

Говоря о смягчающих обстоятельствах, следует четко разграничивать понятия «ограниченная (или уменьшенная) вменяемость» (*diminished responsibility*) и «невменяемость» (*insanity*).

Наличие *ограниченной вменяемости* позволяет квалифицировать как простое умышленное убийство такое деяние, которое в отсутствие ограниченной вменяемости было бы отнесено к категории тяжких убийств (*murder*). Речь может идти об **ограниченной вменяемости** (*diminished responsibility*), если в силу психического расстройства лицо, совершающее убийство, не осознает в полной мере общественную опасность своих действий. Гибсон, например, поднимает вопрос об ограниченной вменяемости так называемых «убийц из милосердия» (*“mercy killers”*), чьи действия, по его мнению, должны квалифицироваться как простое (*manslaughter*), а не тяжкое убийство (*murder*). В своей статье он высказывает мысль о том, что назрела острая необходимость реформирования британского законодательства об убийствах [Gibson, M., 2017].

Невменяемость же согласно так называемым Правилам Макнатена (*M’Naghten Rules*)⁹ является основанием для вынесения оправдательного вердикта.

⁸ Coroners and Justice Act 2009 // The Official Home of UK Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2009/25/contents> (дата обращения: 26.02.2009).

⁹ M’Naghten’s Case // Официальный сайт Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/MNaghtens-Case> (дата обращения: 24.02.2019).

С принятием Закона о тяжких преступлениях 2015 г. (*The Serious Crime Act 2015*) перечень смягчающих обстоятельств, позволяющих «перевести» тяжкое преступление (*murder*) в разряд простых (*manslaughter*), расширился.

Так, на основании этого Закона (Section 76), который криминализует «принудительное или контролирующее поведение» (*“coercive or controlling behaviour”*) в интимных или семейных отношениях¹⁰, Салли Чаллен, осужденной 1 марта 2018 г. Апелляционным судом Ее Величества за тяжкое убийство, было предоставлено разрешение на обжалование приговора, так как ее адвокатам удалось убедить суд в том, что в связи с принятием вышеупомянутого Закона совершенное ею преступление может быть переквалифицировано в простое неумышленное убийство (*involuntary manslaughter*) [Bettinson, V., 2019].

Ряд исследователей обращает внимание на тот факт, что при вынесении присяжными вердикта о тяжком или простом убийстве (*murder or manslaughter*) даже эмоции подсудимых во время совершения ими преступлений могут потенциально служить смягчающими обстоятельствами [Spackman, M.P., et al., 2002].

Простым неумышленным убийством (*involuntary manslaughter*) признается лишение жизни другого человека субъектом, находящимся «в упрежном психическом состоянии» (*“blameworthy state of mind”*), а также вследствие «небрежности или неосторожности в отношении риска причинения смерти другому лицу» (*recklessness or criminal negligence*).

Например, при наличии веских доказательств, что смерть пациента наступила вследствие грубой халатности медицинского работника (*gross negligence*), последнему будет предъявлено обвинение в неумышленном убийстве по неосторожности (*gross negligence manslaughter*). И хотя статистика не выглядит угрожающе, участвовавшие случаи уголовного преследования за «неумышленное медицинское убийство» (*“medical manslaughter”*) вызывают, по мнению некоторых исследователей, не только обеспокоенность британских врачей, но и опасение, что такая практика может привести не к улучшению, а к ухудшению медицинского обслуживания, ибо «страх токсичен» (*“fear is toxic”*) как для медицинских работников, так и для пациентов [Brazier, M., et al., 2017].

Более того, Оливер Квик в одной из своих статей прямо заявляет, что уголовное преследование медицинских работников по обвинению в совершении неумышленного убийства по неосторожности (*gross negligence manslaughter*) должно быть отменено, ибо с медицинской

¹⁰ The Serious Crime Act 2015 // Официальный сайт UK Parliament Website. URL: <https://beta.parliament.uk/search?q=Serious+Crime+Act+2015> (дата обращения: 25.02.2019).

точки зрения не существует никаких объективных критериев для подобного квалифицирования действий медперсонала [Quick, O., 2006].

Тем не менее просматривается тенденция к расширению перечня преступлений, квалифицируемых как неумышленное убийство. Так, Пол Макгоррери, исследовавший на материалах судебной практики Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Австралии такое деяние, как подстрекательство другого лица к совершению самоубийства (*inciting another person to commit suicide*), приходит к выводу, что его, особенно в контексте насилия в семье, следует квалифицировать как неумышленное убийство (*involuntary manslaughter*) [McGorrery, P. and McMahon, M., 2018].

К простому неумышленному убийству относится также причинение смерти в результате виновного бездействия (*manslaughter by omission*), причем поведение лица, виновное бездействие которого привело к смерти другого лица, считается не менее аморальным и предосудительным, чем в случае любого другого неумышленного убийства [Elliott, C., 2010].

Оценивая такое смягчающее обстоятельство, как договоренность о совместном совершении самоубийства (*suicide pact*), необходимо упомянуть явление, появившееся сравнительно недавно, но уже вызвавшее обеспокоенность как широких слоев общественности, так и профессиональных медиков и юристов, – *online suicide*. Влияние интернет-ресурсов на суицидальное поведение граждан, особенно подростков, принимает угрожающие масштабы, и, по мнению психологов, психиатров и юристов, необходимо срочное принятие действенных мер для решения проблемы [Phillips, J.G., Diesfeld, K. and Mann, L., 2019; Carlyle, K.E., et al., 2018].

Результаты исследования

Из изложенного выше следует, что простое убийство в англосаксонском праве (*manslaughter*) отнюдь не идентично преступному деянию, которое квалифицируется как простое убийство (*simple murder*) в российском уголовном законодательстве. Так как классификации преступлений против жизни в английском и российском законодательствах основываются на абсолютно различных критериях, английское простое умышленное убийство (*voluntary manslaughter*) содержит в себе скорее признаки российского привилегированного убийства (*privileged murder*), а английское простое неумышленное убийство (*involuntary manslaughter*) – признаки причинения смерти по неосторожности (*causing death by negligence*), т. е. признаки деяния, которое в российском уголовном праве вообще не квалифицируется как убийство.

Можно провести параллель между детоубийством (*infanticide*) в англосаксонском праве (согласно английскому Закону о детоубийстве 1938 г. (*The Infanticide Act 1938*), убийство женщиной своего ребенка до

12 месяцев в состоянии психического расстройства в результате родов или кормления грудью квалифицируется как особый вид убийства¹¹) и убийством матерью новорожденного ребенка «во время или сразу же после родов» или «в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости» (ст. 106 УК РФ), которое, согласно российскому уголовному законодательству, относится к привилегированным убийствам (*privileged murder*).

Принятый в Великобритании в 2004 г. Закон о домашнем насилии, преступлениях и жертвах преступлений (*Domestic Violence, Crime and Victims Act 2004*) вводит уголовную ответственность за «новое преступление», а именно – за причинение смерти «ребенку или уязвимому члену семьи» (*causing or allowing the death of “a child or vulnerable adult”*) лицом, являющимся членом этой же семьи¹².

Следует отметить, что в странах англосаксонского права уже на протяжении многих лет ведутся дискуссии о необходимости пересмотреть доктрину о самообороне и на законодательном уровне закрепить правовые основы самообороны для лиц, подвергшимся домашнему насилию [Messerschmidt, C.G., 2016].

Российский же законодатель не квалифицирует домашнее насилие по какой-либо одной статье; наказание за него, в зависимости от тяжести причиненного здоровью вреда, предусматривается различными статьями раздела VII (Преступления против личности) УК РФ и ст. 6.1.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ)¹³.

Говоря об абортах, необходимо вспомнить, что первой страной, их запретившей, была именно Англия. Согласно Закону о преступлениях против личности 1861 г. (*The Offences Against the Person Act 1861*) аборт считался тяжким преступлением (*felony*), которое наказывалось пожизненным заключением¹⁴. И только с принятием в 1967 г. Закона об абортах (*The Abortion Act 1967*) были легализованы аборты по медицинским показаниям¹⁵.

¹¹ Infanticide Act 1938 // The Official Home of UK Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/1-2/36/contents> (дата обращения: 01.03.2019).

¹² Domestic Violence, Crime and Victims Act 2004 // The Official Home of UK Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/28/contents> (дата обращения: 01.03.2019).

¹³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 02.08.2019). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Offences Against the Person Act 1861 // The Official Home of UK Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/24-25/100/contents> (дата обращения: 01.03.2019).

¹⁵ Abortion Act 1967 // The Official Home of UK Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/87/contents> (дата обращения: 01.03.2019).

Поправки, внесенные в 1991 г. (*The Abortion Regulations 1991*) и в 2002 г. (*The Abortion (Amendment) (England) Regulations 2002*), не изменили кардинально сути Закона, а довольно обтекаемые формулировки позволяют выполнение практически любого аборта считать легальным. В частности, п. с) данного Закона позволяет проведение легального аборта, если «риск нанесения вреда физическому и психическому здоровью беременной женщины выше при продолжении беременности, чем при ее прерывании»¹⁶. Учитывая тот факт, что у любой женщины риск осложнений при срочных естественных родах всегда выше, чем при аборте на ранних сроках беременности, любой аборт на ранних сроках можно считать вполне законным.

В России каждая женщина в соответствии со ст. 36 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» имеет право самостоятельно решать вопрос о прерывании беременности: при сроке до 12 недель – по общему правилу, по социальным показаниям – до 22 недель, а при наличии медицинских показаний – на любой стадии беременности¹⁷.

Однако ст. 123 УК РФ предусматривает наказание за «проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля», повлекшее смерть по неосторожности (*resulting in death by negligence*).

Как отдельный вид убийства в английском уголовном законодательстве квалифицируется геноцид (*genocide*). В 1969 году в Великобритании был принят Закон о геноциде (*The Genocide Act 1969*¹⁸), в котором содержатся положения ст. II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой Резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. (*The Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide 1948*).

Россия, руководствуясь ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что нормы международного права приоритетны над положениями права внутригосударственного, признает, что геноцид, как указано в ст. II Конвенции, «является преступлением, которое нарушает нормы международного права»¹⁹, обязуется принимать

¹⁶ Abortion (Amendment) (England) Regulations 2002 // The Official Home of UK Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2002/887/contents/made> (дата обращения: 01.03.2019).

¹⁷ Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утв. Верховным Советом Российской Федерации 22 июля 1993 г. № 5487-1) (в ред. от 22 августа 2004 г.). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Genocide Act 1969 // The Official Home of UK Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/12/contents> (дата обращения: 01.03.2019).

¹⁹ Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. Approved and proposed for signature and ratification or accession by General Assembly

меры для его предупреждения и карать за его совершение. В связи с этим ст. 357 УК РФ предусмотрено наказание за «действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой», т. е. за геноцид, дополнительным объектом которого, как известно, являются жизнь и (или) здоровье людей определенных групп. Однако эта статья включена не в главу 16 (Преступления против жизни и здоровья) раздела VII (Преступления против личности), а в главу 34 раздела XII (Преступления против мира и безопасности человечества).

Следует отметить, что геноцид в наши дни приобретает все более изощренные формы, одной из которых является экоцид (ecocide). Экологические катастрофы, вызванные постоянным ростом промышленного производства и антропогенным изменением климата, приводят к такому разрушению окружающей среды, которое ставит под угрозу физическое существование целых народов. Британские ученые просматривают как концептуальную, так и правовую связь между экоцидом и геноцидом и предсказывают, что в недалеком будущем экоцид станет основным двигателем геноцида. Они уже сейчас применяют термин «экологически обусловленный геноцид» (ecologically induced genocide) [Crook, M. and Short, D., 2014]. Согласно российскому законодательству экоцид также является уголовно наказуемым деянием: ст. 358 УК РФ предусматривает наказание за совершение «действий, способных вызвать экологическую катастрофу».

С принятием в 2007 г. Закона «О корпоративном простом убийстве и корпоративном человекоубийстве» (*The Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007*) в англосаксонском праве в существовавшую ранее классификацию был добавлен, по существу, еще один вид убийства. Речь идет о причинении смерти юридическими лицами: корпорациями, товариществами, трейд-юнионами, ассоциациями работодателей, полицией, а также «различными, но не всеми, правительственными органами»²⁰. По мнению некоторых авторов, принятие закона было вызвано все возрастающей озабоченностью общественности по поводу участившихся случаев смертности на производстве и необходимостью отреагировать на проявление этой озабоченности на законодательном уровне с целью повышения доверия общественности к уголовному праву [Almond, P., 2009].

По словам экс-министра юстиции Марии Игл, этот Закон является «мощным сдерживающим средством» (*“a very powerful deterrent*

resolution 260 A (III) of 9 December 1948 // Официальный сайт UNHCHR. URL: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CrimeOfGenocide.aspx> (дата обращения: 01.03.2019).

²⁰ Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007 // The Official Home of UK Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/19/contents> (дата обращения: 01.03.2019).

message”) для тех организаций, которые не заботятся о здоровье и безопасности своих сотрудников [Tombs, S. and Almond, P., 2014].

На самом деле проблема, связанная с предъявлением обвинения корпоративным ответчикам, существовала задолго до принятия этого Закона, причем не только в Великобритании. Еще в конце прошлого века Нэнси Фрэнк обращала внимание на существование различных дефиниций, применяемых в отношении «непреднамеренных убийств» (“*unintended murder*”) по вине корпораций, и указывала на необходимость учитывать как человеческий фактор и наличие преступного умысла (*mens rea*) лиц, принимающих корпоративные решения, так и обоснованность рисков, которые приводят к смерти работников [Frank, N., 1988].

Согласно принятому Закону организация несет уголовную ответственность за совершение корпоративного убийства, если «способ организации или ведения ее деятельности причиняет смерть лицу и является грубым нарушением возложенных на нее обязанностей по отношению к погибшему»²¹.

В отношении организации, признанной виновной в совершении корпоративного убийства (*corporate manslaughter* в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии и *corporate homicide* в Шотландии), Законом предусмотрены следующие виды наказаний: компенсация убытков, опубликование информации о данном преступлении, неограниченный штраф. На практике уголовное дело возбуждается одновременно против организации и против конкретного должностного лица.

И хотя вначале многие правоведы скептически отнеслись к принятию Закона, он оказался, по мнению Виктории Ропер, достаточно эффективным: проанализировав ситуацию за последние десять лет, она пришла к выводу, что возросшее количество судебных преследований и внушительные размеры налагаемых штрафов заставили предпринимателей и руководителей крупных компаний скрупулезнее относиться к вопросам безопасности. Однако некоторая несогласованность в деятельности судебных органов сохраняется, как отмечает автор, и по сей день [Roper, V., 2018].

Стивен Гриффин и Джон Моран также отмечают необходимость внесения в Закон некоторых поправок, так как, по их мнению, в нем недостаточно четко прописана ответственность, например, в случае наступления смерти в результате грубой небрежности или бездействия сотрудника(ов) полиции [Griffin, S. and Moran, J., 2010].

В российском праве не существует понятия «корпоративное убийство». Так как юридическое лицо согласно действующему российскому уголовному законодательству не является субъектом уголовного права, в отношении него не может быть возбуждено уголовное дело; юриди-

²¹ Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007. S. 1.

ческое лицо может привлекаться только к гражданско-правовой или административной ответственности. К уголовному наказанию могут быть привлечены лишь отдельные должностные лица, и уголовную ответственность согласно ч. 2, 3 ст. 109 УК РФ несет конкретное лицо за причинение смерти по неосторожности (*causing death by negligence*) «вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей».

Обсуждение и заключение

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в основе классификаций преступлений против жизни в российском и англосаксонском праве лежат различные критерии – наличие или отсутствие квалифицирующих и привилегирующих признаков и наличие или отсутствие «злого умысла» соответственно. Поэтому правоприменители должны четко осознавать, что одно и то же преступное деяние может относиться к различным категориям с точки зрения англосаксонского или российского права. Например, согласно российскому уголовному законодательству убийство, совершенное при отсутствии квалифицирующих или привилегирующих признаков, относится к категории простых (*simple murder*), а в Великобритании аналогичное деяние, если судьи усмотрят наличие «злого умысла» у совершившего его лица, будет отнесено к категории тяжких (*murder*).

Кроме того, один и тот же русскоязычный термин (например, *простое убийство*) может иметь различные английские эквиваленты в контексте российского и англосаксонского права (*simple murder* и *manslaughter* соответственно). Эти англоязычные термины не являются взаимозаменяемыми, так как обозначают преступные деяния, имеющие в рассматриваемых нами правовых системах совершенно разные характеристики объективных и субъективных признаков состава преступления; следовательно, использование первого применительно к простому убийству в странах англосаксонского права, а второго – в контексте российского судопроизводства может привести к некорректному восприятию ситуации и, как следствие, к осложнению всего процесса правового взаимодействия в рамках международного уголовного судопроизводства.

Именно поэтому, на наш взгляд, для достижения максимально позитивных результатов в области международного правового сотрудничества необходимо знание не только специфики правовых и процессуальных норм различных стран мирового сообщества, но и лингвистических особенностей юридического дискурса каждой из них.

Список использованной литературы

- Almond P. Understanding the seriousness of corporate crime: Some lessons for the new corporate manslaughter offence // *Criminology and Criminal Justice*. 2009. Vol. 9, issue 2. P. 145–164. DOI: doi.org/10.1177/1748895809102550.
- Bettinson V. Aligning partial defences to murder with the offence of coercive or controlling behaviour // *The Journal of Criminal Law*. 2019. Vol. 83, issue 1. P. 71–86. DOI: doi.org/10.1177/0022018318814362.
- Brazier M., Quirk H., Griffiths D., Devaney S. Improving health-care through the use of ‘medical manslaughter’? Facts, fears and the future // *Clinical Risk*. 2017. Vol. 22, issue 5. DOI: doi/10.1177/1356262217696623.
- Gibson M. Pragmatism Preserved? The challenges of accommodating mercy killers in the reformed diminished responsibility plea // *The Journal of Criminal Law*. 2017. Vol. 81, issue 3. P. 177–200. DOI: doi.org/10.1177/0022018317702801.
- Griffin S., Moran J. Accountability for deaths attributable to the gross negligent act or omission of a police force: The Impact of the Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007 // *The Journal of Criminal Law*. 2010. Vol. 74, issue 4. P. 358–381. DOI: doi.org/10.1350/jcla.2010.74.4.648.
- Carlyle K.E., Guidry J.P.D., Williams K., Tabaac A., Perrin P.B. Suicide conversations on Instagram™: Contagion or caring? // *Journal of Communication in Healthcare*. 2018. Vol. 11, issue 1. P. 12–18. DOI: doi.org/10.1080/17538068.2018.1436500.
- Crook M., Short D. Marx, Lemkin and the genocide-ecocide nexus // *The International Journal of Human Rights*. 2014. Vol. 18, issue 3. P. 298–319. DOI: doi.org/10.1080/13642987.2014.914703.
- Quick O. Prosecuting ‘gross’ medical negligence: Manslaughter, discretion, and the Crown Prosecution Service // *Journal of Law and Society*. 2006. Vol. 33, issue 3. P. 421–450. DOI: doi/10.1111/j.1467-6478.2006.00365.x.
- Quick O., Wells C. Partial reform of partial defences: developments in England and Wales // *Australian and New Zealand Journal of Criminology*. 2012. Vol. 45, issue 3. P. 337–350. DOI: doi.org/10.1177/0004865812456856.
- McGorrery P., McMahon M. Causing someone else to commit suicide: Incitement or manslaughter? // *Alternative Law Journal*. 2018. Vol. 44, issue 3. P. 23–28. DOI: doi.org/10.1177/1037969X18802455.
- Messerschmidt C.G. A victim of abuse should still have a castle: The applicability of the castle doctrine to instances of domestic violence

// Journal of Criminal Law and Criminology. 2016. Vol. 106, issue 3. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/jclc/vol106/iss3/5> (дата обращения: 23.02.2019).

Roper V. The Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007 – a 10-year review // The Journal of Criminal Law. 2018. Vol. 82, issue 1. P. 48–75. DOI: doi.org/10.1177/0022018317752937.

Сарханянц К. Статистика убийств в России // Коммерсантъ. 2018. 24 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3514658> (дата обращения: 24.02.2019).

Смотряев М. Действительно ли Лондон опаснее Москвы и Нью-Йорка? // Русская служба Би-би-си. 2018. 6 апр. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43653877> (дата обращения: 24.02.2019).

Spackman M.P., Belcher J.C., Calapp J.W., Taylor A. An analysis of the effects of subjective and objective instruction forms on mock-juries' murder/manslaughter distinctions // Law and Human Behavior. 2002. Vol. 26, issue 6. P. 605–623. URL: <https://link.springer.com/journal/10979/26/6/page/1> (дата обращения: 23.02.2019).

Storey T. Raising the bar: Loss of control and the qualifying triggers: R v Zebedee (John) [2012] EWCA Crim 1428 // The Journal of Criminal Law. 2013. Vol. 779, issue 1. P. 17–21. DOI: doi.org/10.1350/1740-5580-77.1.17.

Tombs S., Almond P. Corporate manslaughter and regulatory reform // Crime, Law and Social Change. 2014. Vol. 61, issue 5. P. 585–593. URL: <https://link.springer.com/journal/10611/61/5/page/1> (дата обращения: 23.02.2019).

Phillips J.G., Diesfeld K., Mann L. Instances of online suicide, the law and potential solutions // Psychiatry, Psychology and Law. 2019. DOI: doi.org/10.1080/13218719.2018.1506719.

Frank N. Unintended murder and corporate risk-taking: Defining the concept of justifiability // Journal of Criminal Justice. 1988. Vol. 16, issue 1. P. 17–24. DOI: [doi.org/10.1016/0047-2352\(88\)90032-3](https://doi.org/10.1016/0047-2352(88)90032-3).

Elliott C. Liability for manslaughter by omission: Don't let the baby drown! // The Journal of Criminal Law. 2010. Vol. 74, issue 2. P. 163–179. DOI: doi.org/10.1350/jcla.2008.72.6.537.

Elliott C. What future for voluntary manslaughter? // The Journal of Criminal Law. 2004. Vol. 68, issue 3. P. 253–263. DOI: doi.org/10.1350/jcla.68.3.253.34453.

References

- Almond, P., 2009. Understanding the seriousness of corporate crime: Some lessons for the new corporate manslaughter offence. *Criminology and Criminal Justice*, 9(2), pp. 145–164. DOI: doi.org/10.1177/1748895809102550. (In Eng.)
- Bettinson, V., 2019. Aligning partial defences to murder with the offence of coercive or controlling behaviour. *The Journal of Criminal Law*, 83(1), pp. 71–86. DOI: doi.org/10.1177/0022018318814362. (In Eng.)
- Brazier, M., Quirk, H., Griffiths, D. and Devaney, S., 2017. Improving healthcare through the use of ‘medical manslaughter’? Facts, fears and the future. *Clinical Risk*, 22(5). DOI: doi.org/10.1177/1356262217696623. (In Eng.)
- Carlyle, K.E., Guidry, J.P.D., Williams, K., Tabaac, A. and Perrin, P.B., 2018. Suicide conversations on Instagram™: Contagion or caring? *Journal of Communication in Healthcare*, 11(1), pp. 12–18. DOI: doi.org/10.1080/17538068.2018.1436500. (In Eng.)
- Crook, M. and Short, D., 2014. Marx, Lemkin and the genocide-ecocide nexus. *The International Journal of Human Rights*, 18(3), pp. 298–319. DOI: doi.org/10.1080/13642987.2014.914703. (In Eng.)
- Elliott, C. 2004. What future for voluntary manslaughter? *The Journal of Criminal Law*, 68(3), pp. 253–263. DOI: doi.org/10.1350/jcla.68.3.253.34453. (In Eng.)
- Elliott, C., 2010. Liability for manslaughter by omission: Don’t let the baby drown! *The Journal of Criminal Law*. 74(2), pp. 163–179. DOI: doi.org/10.1350/jcla.2008.72.6.537. (In Eng.)
- Frank, N., 1988. Unintended murder and corporate risk-taking: Defining the concept of justifiability. *Journal of Criminal Justice*, 16(1), pp. 17–24. DOI: doi.org/10.1016/0047-2352(88)90032-3. (In Eng.)
- Gibson, M., 2017. Pragmatism Preserved? The challenges of accommodating mercy killers in the reformed diminished responsibility plea. *The Journal of Criminal Law*, 81(3), pp. 177–200. DOI: doi.org/10.1177/0022018317702801. (In Eng.)
- Griffin, S. and Moran, J., 2010. Accountability for deaths attributable to the gross negligent act or omission of a police force: The Impact of the Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007. *The Journal of Criminal Law*, 74(4), pp. 358–381. DOI: doi.org/10.1350/jcla.2010.74.4.648. (In Eng.)
- McGorrery, P. and McMahon, M., 2018. Causing someone else to commit suicide: Incitement or manslaughter? *Alternative Law Journal*, 44(3), pp. 23–28. DOI: doi.org/10.1177/1037969X18802455. (In Eng.)

Messerschmidt, C.G., 2016. A victim of abuse should still have a castle: The applicability of the castle doctrine to instances of domestic violence. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 106(3). Available at: <<https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/jclc/vol106/iss3/5>> [Accessed 23 February 2019]. (In Eng.)

Phillips, J.G., Diesfeld, K. and Mann, L., 2019. Instances of online suicide, the law and potential solutions. *Psychiatry, Psychology and Law*. DOI: doi.org/10.1080/13218719.2018.1506719. (In Eng.)

Quick, O., 2006. Prosecuting 'gross' medical negligence: Manslaughter, discretion, and the Crown Prosecution Service. *Journal of Law and Society*, 33(3), pp. 421–450. DOI: doi/10.1111/j.1467-6478.2006.00365.x. (In Eng.)

Quick, O. and Wells, C., 2012. Partial reform of partial defences: developments in England and Wales. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 45(3), pp. 337–350. DOI: doi.org/10.1177/0004865812456856. (In Eng.)

Roper, V., 2018. The Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007 – a 10-year review. *The Journal of Criminal Law*, 82(1), pp. 48–75. DOI: doi.org/10.1177/0022018317752937. (In Eng.)

Sarkhanyants, K., 2018. [Homicide statistics in Russia]. *Kommersant* = [Businessman], 24 February. Available at: <<https://www.kommersant.ru/doc/3514658>> [Accessed 24 February 2019]. (In Russ.)

Smotryayev, M., 2018. Is London really more dangerous than Moscow and New York? *Russkaya sluzhba BBC* = BBC Russian Service, 6 April. Available at: <<https://www.bbc.com/russian/features-43653877>> [Accessed 24 February 2019]. (In Russ.)

Spackman, M.P., Belcher, J.C., Calapp, J.W. and Taylor A., 2002. An analysis of the effects of subjective and objective instruction forms on mock-juries' murder/manslaughter distinctions. *Law and Human Behavior*, 26(6), pp. 605–623. Available at: <<https://link.springer.com/journal/10979/26/6/page/1>> [Accessed 24 February 2019]. (In Eng.)

Storey, T., 2013. Raising the bar: Loss of control and the qualifying triggers: *R v Zebedee (John)* [2012] EWCA Crim 1428. *The Journal of Criminal Law*, 779(1), pp. 17–21. DOI: doi.org/10.1350/1740-5580-77.1.17. (In Eng.)

Tombs, S. and Almond, P., 2014. Corporate manslaughter and regulatory reform. *Crime, Law and Social Change*, 61(5), pp. 585–593. Available at: <<https://link.springer.com/journal/10611/61/5/page/1>> [Accessed 24 February 2019]. (In Eng.)

Информация об авторе / Information about the author:

Ванина Татьяна Олеговна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уральского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (454084, Россия, г. Челябинск, пр. Победы, д. 160), кандидат педагогических наук [**Tatyana O. Vanina**, Associate Professor of Humanities and Socio-Economical Sciences Department, Ural Branch, Russian State University of Justice (160 Pobedy Ave., Chelyabinsk, 454084, Russia), Cand. Sci. (Pedagogy)]. E-mail: tatyana_vanina@inbox.ru